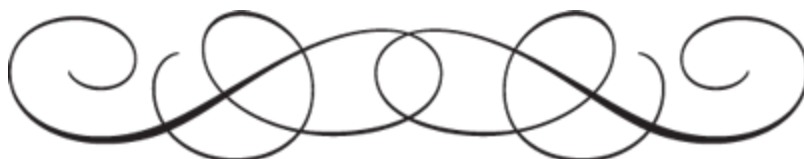

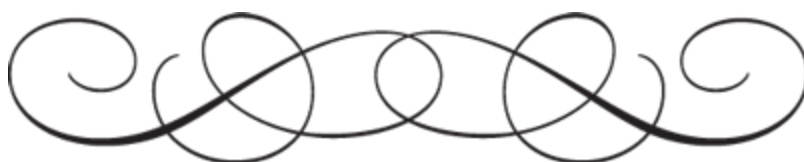
I

Земля

Глава

1

В Британии волшебство издавна подчинялось строгому распорядку. Если не верите, вспомните хотя бы Великую армаду и шторм, который так удачно ее потопил, а потом задумайтесь, почему даже самые скептически настроенные историки относятся к этому удачному урагану так спокойно — мол, подумаешь, рядовое явление природы. А если вас одолевают особенно сильные сомнения, подумайте также, почему ни Гитлер, ни Наполеон так и не вторглись в Британию и почему мы и к этому опять же относимся так спокойно.

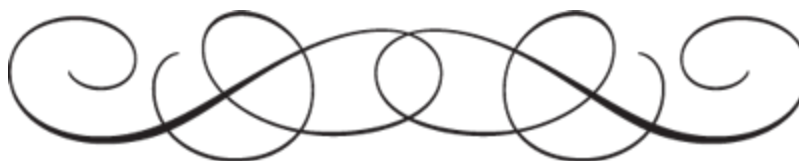
Несколько секунд беспристрастных размышлений — и кто угодно поймет: все это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Однако же размышлять беспристрастно не в силах человеческих по одной простой причине: соответствующая организация вот уже несколько сотен лет всячески борется с беспристрастностью и при этом следит, чтобы общество в целом считало ее деятельность нелепой суетой, касающейся в основном старушек на метлах. На самом деле организация засекречена до того строго, что даже большинство тех,

кто занимается колдовством в том или ином виде, не подозревают, что их деятельностью руководит головной совет, который мы условимся называть Кругом, тайно и тщательно отобранный из числа практикующих волшебников со всей страны.

В нашем веке хлопот у совета прибавлялось с каждым годом. Мало-помалу сфера его деятельности расширилась и охватила весь мир. Большинство членов совета полагали, что это естественный результат развития связи и коммуникации. Иной точки зрения придерживался только один член Внутреннего Круга.

Глава

2

Звали его Марк Листер, а настоящий его титул засекречен. На жизнь он зарабатывал компьютерами. Ему всегда нравилось, что его профессия так далека от колдовства и к тому же приносит приличный доход, не вынуждая задействовать колдовские способности — разве что от случая к случаю. Одевался он по-деловому, в дорогие графитово-серые костюмы, следил, чтобы его бледное лицо было идеально выбрито, а тусклые волосы подстрижены самым консервативным образом, а поскольку он был среднего роста, не толст и не тонок, то выглядел, можно сказать, неприметно. Это ему тоже нравилось. Он позволял себе лишь один намек на свою тайную деятельность: всегда носил широкополую шляпу, как скрытую аллюзию на карту Таро «Маг». Его не тревожило, что, если не принимать во внимание шляпу, почти все знакомые считали его бесцветным и лишенным чувства юмора. Тревожили его исключительно современные тенденции в геополитике.

Размышляя об этих тенденциях, Марк Листер загрузил в компьютеры в своем кабинете кое-какие данные. Сначала он занимался этим от безысходности — лишь бы не сидеть сложа руки, а

делать вид, будто контролируешь то, что уже давно вышло из-под контроля. Картина, сложившаяся из полученных результатов, так его напугала, что он не поленился написать особую исследовательскую программу. После этого он остался в кабинете на ночь и запустил ее.

Его отсутствие дома потребовало тщательного заблаговременного планирования. Жена Марка Листера, Поли, и сама была незаурядной колдуньей, а Марк на этом этапе не был готов доверять никому, тем более жене. Еще до перерыва на обед он позвонил ей и предупредил, что не придет ночевать из-за неожиданного совещания в Бирмингеме. Выгадав таким образом время, он создал симулякр самого себя и отправил его в Бирмингем обедать с другим неприметным симулякром на тот случай, если самой Поли или мало ли еще кому-нибудь вздумается проверить его слова. Остаток дня он посвятил восстановлению сил, которых на все это потребовалось очень много. Вечером, когда партнеры и сотрудники ушли, Марк принялся за работу. Первым делом он заколдовал кабинет, чтобы ни у охранников, ни у уборщицы не возникло искушения войти, пока он там, и сложилось впечатление, будто в кабинете никого нет. Потом заблокировал телефоны и факсы, чтобы не отвлекали во время особенно деликатного колдовства. Все это было довольно просто, однако Марк понимал, что, если его опасения обоснованны, нельзя позволить себе ни малейшей оплошности. Когда в кабинете стало тихо и на взгляд любого стороннего наблюдателя он превратился в обычную пустую комнату, слегка подсвеченную зелеными огоньками сигнализации, Марк уже весь дрожал и обливался потом. Ему пришлось приводить себя в чувство колдовскими средствами, прежде чем взяться за сложнейшую систему мельчайших волшебных импульсов, целью которых было не дать никому — никому на свете! — заметить, что за данные к нему потекут. Поскольку программе предстояло получить доступ к большому числу совершенно секретных файлов, необходимо было разослать и другие импульсы, чтобы замаскировать утечку. В этом Марк не мог рассчитывать на одни лишь высокие технологии.

— А вдруг окажется, что у меня просто фантазия разыгралась? Тогда все старания впустую, — пробормотал он.

Но на самом деле он не считал, что это фантазия, и колдовство его было точным, мощным и тщательным, как никогда.

Доделав работу, он немного походил по кабинету туда-сюда, выжидая, когда рассеется избыток энергии. Не хотелось бы, чтобы она повредила компьютеры. Но и потом, запустив наконец программу, он поймал себя на том, что по-прежнему шагает по кабинету, страшась повлиять на ее работу. Чушь. Он уже десять лет работал с подобного рода силами. Но ему все равно было страшно. Он остановился и вцепился обеими руками в металлический стул — не совсем холодное железо, сокрушенно подумал он, но все же поможет рассеять любые выбросы необузданной магии, если он не сдержится, — и так и стоял, опираясь на него, все время, когда не требовалось наблюдать за программой.

Появились первые результаты. Марк выпустил стул из рук, решив сначала сделать распечатки, а затем запросить прогноз, и почувствовал, как металлические трубки хрустят и словно бы крошатся у него под пальцами. Он не без раздражения опустил глаза и посмотрел на стул. И в ужасе отпрянул. Стальные детали превращались в рыжую руду с какими-то черными ломкими вкраплениями. Пластмассовое сиденье все пошло желтоватыми, сухими, кудрявыми перьями, и от него резко запахло химией.

Марк мрачно отряхнул с ладоней рыжую пыль. Несомненно, стул был всего лишь символом его нынешнего настроения — то есть он уповал на это, — но выглядело все так, словно его самые худшие опасения подтвердились даже раньше, чем он задал последний вопрос.

Он его задал. И забрал распечатки. И все стер, а потом мягко и осторожно прошел все этапы в обратном направлении и старательно замел все следы, и магические, и технологические, везде, где искал данные, и в самом кабинете. На рассвете он взял портфель и посмотрел на бывший металлический стул — это было последнее, с чем оставалось разобраться. Стул стоял посреди комнаты — невозможная гнутая конструкция из красной глины, только черные частички теперь светились блеклым тошнотворно-зеленым. При виде частичек Марк нахмурился. Потом в порядке эксперимента указал на ближайшее зеленое пятнышко властной, но ласковой дланью. Пятно в ответ вздулось и лопнуло. Поерзало, покрутилось, увеличилось — и выпустило два круглых зеленых листочка на тонком белом стебельке.

— Гм, — сказал Марк. — Кажется, надежда все-таки есть, а я и не думал. Но тебе все равно придется исчезнуть. — Он снова проделал

волшебный пасс, на сей раз резкий и жесткий, от самого локтя, и сумел все же телепортировать это безобразие в ближайший мусорный бак, где оно рассыпалось в прах — Марк это почувствовал.

Тут на него навалилась страшная усталость. Он потер лицо и понял, что мечтает о кофе. «На вокзале», — решил он. Еще он мечтал оказаться в своей машине. Но ее для правдоподобия пришлось оставить на парковке в Суррее. Да и выследить человека гораздо сложнее, если он едет поездом.

В привокзальном буфете, над огромным пенопластовым стаканом кофе, Марк наконец позволил себе задуматься, правильно ли он решил, с кем именно из Внутреннего Круга делиться своим открытием. От верности выбора зависело очень многое. Первым порывом было созвать весь Круг, однако эту мысль Марк отбросил. Внешний Круг состоял исключительно из практикующих магов, и дураков среди них не было, однако у некоторых в силу особенностей биографии все же наблюдался откровенный переизбыток здравого смысла. Эта компания, скорее всего, в ответ на все его соображения просто фыркнет. Марк прямо слышал голоса Коппы Тейлор или Сида Граффи: «Да компьютеры докажут все, что угодно, если скормить им факты, отобранные на свое усмотрение!» Верно. В сущности, именно так он и поступил. Да и знал он о членах Круга совсем мало, кроме самого очевидного. Возьмем хотя бы Коппу, с которой он был знаком чуть ближе, чем с прочими. Сведения ограничивались тем, что ей пятьдесят и она родилась в Калифорнии. Примерно то же самое он знал и об остальной восьмерке — вот, собственно, и все. За секретностью очень следили. Когда Круг собирался на совет, учитывать личные обстоятельства не полагалось. Очевидно, покров тайны спадал на более высоком уровне, когда они становились Едины. Марк негромко саркастически крикнул. Если им предстоит столкнуться с тем, что он предполагал, жди тайн и покровов на всех уровнях. Никому из девятерых нельзя доверять — шпионом может оказаться каждый.

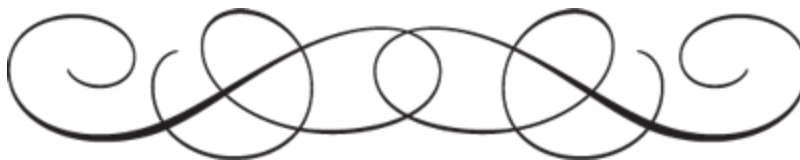
Значит, оставались трое из Внутреннего Круга. Вот зараза! Не вываливать же всю эту помойку на старуху. Они придерживались принципиально разного образа мыслей. Однако Марк взял себя в руки, отменил личные чувства и оценил каждую кандидатуру беспристрастно. Юная Морин? Он улыбнулся. Тут личных чувств было очень много. Стоило ему подумать о ней, как ему удивительно точно вспоминался

пряный животный аромат и длинноногая фигура в постели рядом с ним — там, в Сомерсете. Какая была ночь!.. Почти как с Зиллой. Но очень уж Морин была... ненадежной? Ветреной? Для нее у него не находилось точных эпитетов. Просто все это значило, что обращаться к Морин первой он не станет. Ему нужна была душевная твердость — и острый ум. Аманда? О, с умом там все в порядке, даже слишком, будь она неладна! Марк невольно поежился при одной мысли о ее темных глазах, светящихся научным интересом. Как ни странно, в свои сорок она выглядит гораздо лучше Морин — и почти как ее ровесница. Марк до смерти боялся ее (в глубине души, уповая на то, что никто не заметит) и понимал, что она либо отмахнется от его опасений, либо ласково погладит его по головке и все уладит сама. Значит...

— Придется к старухе, — пробормотал он, обреченно поднялся и купил билет до Херефорда.

Глава

3

Это был бестолковый старый домишко с верандой по фасаду, которая непостижимым образом переходила в крыльцо с зеленой дверью. Во все стороны бурными волнами растекался заросший сад: сначала просто трава, потом трава повыше с торчащими листьями давно увядших нарциссов, потом кусты, потом кусты побольше — их было несколько волн, в том числе лавры, — и наконец цепочка деревьев, которые обычно цветут по весне, но здесь тяготели к неурочному цветению круглый год. С дороги домик был почти не виден. С другой стороны, если знать нужное место в саду, оттуда открывался великолепный вид на дорогу, а о твоём присутствии никто не догадывался.

Старуха прекрасно знала нужное место. Она просидела там целое утро за разными занятиями — Джимбо прилежно вычесывался рядышком, кошки вращались по орбите вокруг хозяйки, показываясь то там, то сям. Бестолковый домишко словно бы перетекал в траву, но то и дело пробулькивал на поверхность: нет-нет да и мелькнет то цветочная кадка, то опрокинутая кружка кофе, то плетеное кресло, корзинка-другая, дуршлаг, чайник, а то и подушки. «Взялся за гуж — не говори, что не дюж», — думала старуха, скатывая толстым большим пальцем горошины вдоль стручка в дуршлаг.

Тут до нее донесся рокот двигателя.

— Ага, — сказала она. — Явились не запылились!

И подняла голову, чтобы поглядеть, как местное такси высаживает пассажира у ее ветхой калитки. Косматые брови поднялись, когда на дорогу выбрался бледный молодой человек в строгом сером костюме и повернулся, чтобы заплатить водителю.

— Это он! — сообщила старуха Джимбо. — А я-то жду кого-нибудь по поводу бедной девочки! Где-то что-то у меня закоротило, не иначе. Неужели у таких, как я, тоже коротит — а, Джимбо? Что ж, не зря говорят — старость не радость. Не знаю, что ему приспичило, но хорошего не жди. Похоже, бедный мальчик влип по уши.

Она смотрела, как он дожидается, когда такси уедет, и направляется к калитке — опять в этой своей дурацкой шляпе, непонятно, что он в ней нашел. Смотрела, как он возится с калиткой — с ней у всех было ой как сложно. Ухмыльнулась, когда калитка слетела с петель и шлепнулась в грязь и гостю пришлось поднимать ее и прислонять к кусту. Однако лицо у старухи сразу посерьезнело, когда он зашагал к ней по тропинке, держа в руке шляпу да еще и дорогой портфель в придачу. Старуха бесшумно приладила калитку на место у него за спиной и стала ждать, когда он дойдет до места, откуда посетители обычно замечали хозяйку.

— Привет, Марк, — сказала она. — Что, важное дело?

— Да, — ответил он. — Очень.

Он стоял и изучал ее — толстую конопатую старуху в красном платье и ярко-розовых носках, обмякшую, как тесто, в пластиковом садовом кресле с узором в цветочек и деловито что-то луцившую, кажется горох. Волосы у нее были неряшливо завиты и когда-то выкрашены в оранжевый, но давно выцвели. Щеки свисали по бокам от вялого рта, бледные и веснушчатые, а сад был завален всякой всячиной и кишел кошками. Как всегда, Марк и забыл про кошек. Здесь все пропахло кошками. Он отодвинул ногой блюдечко с кошачьим кормом, притаившееся в траве, и не смог удержаться — помахал шляпой, чтобы разогнать вонь. В довершение всего старуху звали Глэдис. На первый взгляд ни за что не скажешь, что от нее может быть какой-то прок.

— Ждала меня?

Глэдис подняла голову. Не скажешь, пока не посмотришь ей в глаза, поправил самого себя Марк. Глаза у нее повидали практически все.

— Ждала кое-кого, — уточнила она. — Все утро жду-пожду. Чуть было дождь не пошел. Некстати.

Словно в подтверждение, с пасмурного неба упало несколько теплых капель — они шлепнулись на шляпу и зазвенели о дуршлаг. Глэдис посмотрела в небо и нахмурилась. Капать тут же перестало.

— Совсем некстати, — заметила она и даже вроде бы коротко усмехнулась. — В чем дело, Марк? Вид у тебя — краше в гроб кладут. Сядь, а то упадешь.

Толстая рука с зажатым в ней стручком указала на ближайшее плетеное кресло. Марк подошел к нему, устроился, поерзав — кресло скрипнуло, — и положил шляпу на колени. Его мгновенно оцепили кошки. Они тихо стянулись из зарослей травы, из-под кустов и из-за кадок и расселись, буравя его суровыми взглядами, — кольцо круглых желтых и зеленых глаз. Ритуальное испытание. Он вздохнул.

— Дать тебе чего-нибудь? — спросила она. — Ты завтракал?

— Честно говоря, нет, — признался Марк. — В поезде не было вагона-ресторана.

— На нашем направлении про них вечно забывают, — сказала она. — Джемайма, ты. И возьми Тибс.

Две кошки оскорбленно встали и двинулись к дому.

— У меня к тебе долгий разговор, — сказал Марк.

— Еще бы — вон портфель какой набитый, — отозвалась она. — Поешь сначала. Хотя бы кофе в себя залей.

Оказалось, что на траве возле Марка стоит деревянный поднос — он возник сам собой, безо всяких видимых движений. На подносе высилась стопка тостов, а по сторонам от нее красовались стеклянное блюдце с маслом и банка мармелада. Поперек блюдца был аккуратно положен ножичек с костяной ручкой, а поверх него — бумажная салфетка, окаймленная изображениями щеночков. Кроме того, на подносе стояли стакан с апельсиновым соком и молочник из одного сервиза с блюдцем. Прямо на глазах у Марка на подносе материализовались кружка с надписью «Босс» и дымящийся синий кофейник. Марк поймал себя на том, что все это его страшно раздражает.

— Ему нужно ситечко, — велела Глэдис. Тут же возникло и ситечко в стеклянной розетке. — Они все время забывают, тебе с сахаром или без.

— К сожалению, с сахаром, — ответил Марк, пытаясь подавить раздражение.

Он уже устал раз за разом втолковывать Глэдис, что волшебство не предназначено для помощи по хозяйству и таланты Глэдис нельзя разбазаривать на подобные глупости. Обычно Глэдис притворялась,

будто не слышит. А если все-таки слышала, то смеялась и говорила, что там, где она берет, еще полным-полно и вообще держать себя в тонусе никому не вредно. Вот и теперь она с вызовом глядела на Марка, прекрасно зная, о чем он думает, а он изо всех сил старался делать вид, будто ему безразлично. Рядом с молочником появилась стеклянная вазочка с горкой рафинада.

— Ешь, — велела старуха. — Набирайся сил.

Марк отложил шляпу, чтобы освободить место на коленях, и пристроил там поднос. Завтрак — это прекрасно, как бы его ни подали. Пока Марк намазывал тост маслом, обе кошки вернулись и тихо, все с тем же оскорбленным видом, заняли место среди прочих. Он налил себе вторую чашку кофе, а Глэдис все прилежно лущила горох. И вдруг снова посмотрела на Марка — пронзительно, в полную силу.

— Выкладывай, — велела она.

— Ты очень удивишься, если я скажу, что Чернобыльская катастрофа была не случайна? — спросил Марк.

— Скорее огорчусь, — сказала Глэдис. — Сам понимаешь — нам это всем не по душе. Забодай меня комар! Не понимаю, как мы проворонили эту радиацию, а потом было уже поздно, только и оставалось, что отогнать ее туда, где народу поменьше. — Она умолкла, опершись руками о толстые ляжки. — Ты же говоришь не для того, чтобы мне полегчало, верно? Кому может понадобиться такое устраивать?!

— Тому, кто отвлек тебя от ливийских бомбежек, — ответил Марк. — В чьих, по-твоему, интересах Вторая мировая, и холодная война, и все эти наркотики и СПИД — да и парниковый эффект, если уж на то пошло? Кому невыгодна наша космическая программа?

— Людям, — сказала Глэдис. — Люди — они такие. Не надо мне говорить, что мир сошел с ума. Причем почти всегда люди делают это не по глупости, а из жадности.

— Это понятно, но какие именно люди? — спросил Марк. — А если я тебе скажу, что за все перечисленное в ответе одни и те же люди? Как и за многое неперечисленное?

Она молчала. На миг он испугался, что она не поверила ни единому его слову, и вздохнул. Все-таки она уже старая. Лицо у нее ничего не выражало. Закоснелая. Надо было перебороть страх и поехать к

Аманде... Потом он увидел, что каменное лицо Глэдис обращено на что-то в траве. Губы у нее шевельнулись.

— Джимбо, — еле слышно проговорила она, — мне надо задать три вопроса, да?

Это она разговаривала со своим зверьком. Одни утверждали, что это обезьянка. Другие возражали, что собачка. У самого Марка не было устоявшегося мнения. Он знал только, что зверек тощий и коричневый. Каждый раз, когда он его видел, зверек вычесывался — вот и сейчас тоже. Марк подозревал, что это уловка, чтобы никто не мог его толком рассмотреть.

— Мне надо спросить, — продолжала Глэдис, — Кто, и Зачем, и какие у него Доказательства? Да, Джимбо? И почему он пришел сюда с этой историей, когда Берлинская стена уже пала наконец, когда у нас все налаживается с Россией и вообще?

Значит, она все-таки обдумала его слова — на свой манер.

— Все это часть моего доказательства, — тихо объяснил Марк. — Подумай сама — или спроси Джимбо: кому хочется, чтобы все технологически развитые страны были в мире друг с другом как раз тогда, когда меняется климат?

— Похоже, кому-то хорошему, — ответила Глэдис.

— Да нет — если учесть, что глобальное потепление запустили в тот самый момент, когда мы все отвлеклись на Чернобыль, — сказал ей Марк. — Такой у них метод — успокаивают нас или отвлекают, пока не станет поздно, — и очень характерно, что это часто бывает направлено прямо на нас, на тех, кто практикует магию в нашей стране. У меня в портфеле кипы доказательств, что...

— Распечатки, что ли? — сказала Глэдис. — Ты же знаешь, для меня это китайская грамота. Объясни сам простыми словами.

Марк поерзал в плетеном кресле: как объяснить простыми словами, он не знал.

— Хорошо, — произнес он, помолчав, — начнем с глобального потепления. Ты знаешь, сколько останется от нашей страны, если полярные льды полностью растают?

— Видела карту по ящику, — кивнула Глэдис. — Не то чтобы много.

Тощий зверек в траве, кажется, потрогал лапкой ее голую веснушчатую ногу.

— Знаю-знаю, Джимбо, — сказала она. — Он к чему-то клонит. Знаю. Меня тревожит, Кто и Зачем. Кому нужно, чтобы мы жили в мире друг с дружкой, пока нас подогревают и мы того и гляди превратимся в тропики и потонем?

— Тем же, кому нужна была война пятьдесят лет назад, — подсказал Марк.

— Как в этом разобраться? — спросила она. — То война им нужна, то мир... Вот чего я никак в толк не возьму. Галиматъя какая-то!

— Нет, не галиматъя, — сказал Марк, — если учесть, сколько всяких изобретений и открытий сделано во время войны. Я говорю не только о ракетах и ядерной энергии, я говорю о семи новых видах защиты, которые Круг обнаружил во время Битвы за Англию. Говорю о том, о чем нам теперь придется думать, — о способах защититься от наводнений, да и вообще о разных способах охлаждения, которые нам понадобятся, когда на планете станет жарче.

Снова настала долгая пауза. На дуршлаг и поднос со звоном упало еще несколько капель дождя.

— Кто-то пользуется нами, чтобы узнавать всякое разное, — заключила Глэдис. — Нехорошо. Чем докажешь?

Марк вытащил бледную руку из недр портфеля.

— Во-первых, я собрал сведения обо всех планах, чертежах и испытательных моделях, которые пропали за последние двадцать лет. Просто прорва! А главное — две трети из них не удалось вернуть, они исчезли бесследно!

— А, промышленный шпионаж, — отмахнулась Глэдис. — Мы-то тут при чем?

— Вот именно! — сказал Марк. — Мы не ведем никаких записей. Все важное мы передаем исключительно устно.

Они посмотрели друг на друга поверх захлавленной травы. Кусты зашелестели, будто их пробрала дрожь.

Глэдис грузно поднялась из пластикового кресла.

— Вставай, Джимбо, — брюзгливо позвала она. — Мне давно пора обед готовить. Что-то для меня все это перебор.

Прозвучало это так, словно старуха знать ничего не желает. Она потопала в дом, а Марк встревоженно последовал за ней, предупредительно прихватив с собой поднос. Внутри было темно и пахло травой, смолой, кошками, хлебом. Повсюду стояли горшки с

растениями, словно сад вторгся в дом точно так же, как дом растекся по траве. Марк пробрался через джунгли высоких, как деревья, стеблей — что-то похожее обычно растет в устьях рек — и обнаружил, что хозяйка хлопочет в древней кухоньке за зеленой занавеской.

— Незачем было поднос тащить, — заявила Глэдис, не оборачиваясь. — Кошки все уберут. У меня сегодня только пироги с курицей. Пойдет? Если с горошком?

Марк хотел напомнить, что всего минуту назад позавтракал, но не успел. Глэдис вдруг сказала:

— Значит, кто-то из Внешнего Круга, да? Больше никто столько не знает.

— Да, — ответил Марк и пристроил поднос на стол, и без того заставленный цветочными горшками. Некоторые попадали. Ему пришлось немного растянуть стол, чтобы поднос поместился. Теперь она мне припомнит про разбазаривать таланты, подумал он. — Помочь?

— Нет, иди в ту комнату и сядь, — сказала Глэдис. — Когда я думаю, мне надо быть одной.

Втайне вздохнув с облегчением — то, что она согласилась подумать над его словами, было уже немало, — Марк послушно ушел и сел на жесткий диван среди джунглей, глядя наружу сквозь ромбовидные стекла в двери на веранду. Глэдис наконец разрешила дождю пролиться: снаружи так и хлестали прямые белые струи, в комнате было полутемно. Кошки сходились в дом и собирались вокруг Марка. Плетеные кресла стояли теперь на веранде, как и почти все прочее имущество со двора. Марк сидел и слушал, как журчит и пришепetyвает дождь, и едва не заснул, но тут Глэдис позвала его обедать.

— Ты мне так и не сказал, кто это, — проворчала она. — Правда, Джимбо? Как будто кто-то сделал из нас подопытных кроликов. Марк, я имею право знать.

Марк взял большой размякший покупной пирог с курятиной и немного горошка, твердостью напоминавшего дробь, вздохнул и в целях безопасности вышел вместе с Глэдис на другой уровень континуума, где и изложил свою теорию. И увидел, как глаза ее округлились во мраке кухни.

— Такому в жизни не было никаких доказательств, — сказала она. — Доедай. Не хочу тебя торопить, но мне надо в больницу. Я там нужна кое-кому.

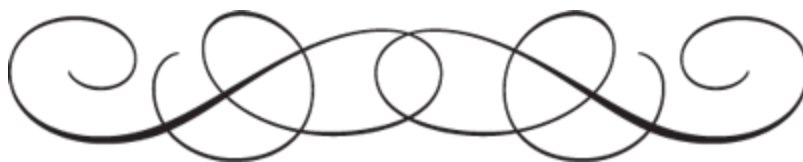
Он был совершенно уверен, что уже утратил в ней союзника, но все же собрался с силами и постарался доесть пирог. От нервов пирог у него в животе слипся в твердый ком, еще и угловатый в придачу. Марк смотрел, как Глэдис упаковывается в прозрачный полиэтиленовый дождевик и роется в бесформенной сумке в поисках денег.

— Хочешь — поехали со мной, — предложила она. — Я пока еще думаю, да и на девочку тебе стоит поглядеть. Едешь?

Он кивнул и следом за ней вышел в промокший сад, где без особого удивления обнаружил, что то самое такси, на котором он приехал, снова подкатило к обветшалой калитке. Он залез в машину вслед за Глэдис и сел, скорчившись вокруг угловатого пирога в животе, не зная, надеяться ему на что-то или просто отчаяться.

Глава

4

В больнице Глэдис явно знала все входы и выходы. Не снимая полиэтиленового дождевика, она шустро проковыляла по нескончаемому коридору к лифту. Марк шагал следом и думал, что, если бы не капли дождя на плаще, можно было бы решить, будто ее сюда вызвал какой-нибудь медиум. Неудивительно, что никто из встречных ее не замечал. Марк и сам наложил на себя такие же чары «Не смотри на меня», но это далось ему не без труда. В больницах ему всегда становилось остро не по себе. Они полны боли — и ее противоположности, бодрой бессердечности... А может быть, лучше сказать — жестокости?

Глэдис обернулась к нему только в лифте. Она была собранная и деловитая — почти что бодрая.

— Девочку привезли часов в пять утра, — сказала она. — Бедняжка сильно пострадала и послала зов. Только один. Потом замолчала и отозвала все обратно, будто ошиблась. Правда, у нее сейчас каждая капля силы на счету, просто чтобы не умереть. Хорошо хоть я успела зацепиться, пока она звала. С тех пор слеживаю за ней — и есть в ней что-то очень и очень странное. Честно говоря, когда ты появился, я была уверена, что это по ее поводу приехали. Ты застал меня врасплох. Нечасто я так ошибаюсь.

Марк только кивнул. Шахта лифта была словно срез многослойной боли, наполнявшей больницу. Лифт провез Марка сквозь ослепляющий материнский страх, сквозь скрежет сломанной кости, сквозь разъедающую кислоту внутренней опухоли, сквозь лихорадочные сны и на миг — какое счастье, что на миг, — сквозь вспышку мучений анестезированной плоти под скальпелем. Марку пришлось собрать все силы, чтобы отгородиться.

Когда он вышел из лифта и следом за Глэдис зашагал еще по каким-то коридорам, мимо коек, легче не стало. В этой больнице была, похоже, свободная планировка или что-то вроде: через каждые несколько шагов в углу с окнами стояло по несколько коек. На подушках лежали искаженные лица. Там и сям в постелях сидели женщины и в сосредоточенном эгоцентризме смертельно больных жадно ели шоколадные конфеты или тупо смотрели на неумолчно болтавших посетителей. Место, куда направлялась Глэдис, тоже оказалось в углу. Его можно было принять за угол, где держат ненужное оборудование, если бы и там не стояла койка. И там у Марка словно гора с плеч свалилась. После напористой боли, наполнявшей больницу, настала такая блаженная тишина, что Марк даже не сразу понял, что происходит.

Глэдис кивнула ему:

— Чувствуешь? Видал когда-нибудь подобную защиту?

Только тогда Марк связал тишину с койкой, вокруг которой и стояло в основном все оборудование. «Как же я сам не догадался?» Он изумленно смотрел на обитательницу койки — совсем юную и маленькую. Чтобы блокировать такое количество боли, когда сам так слаб, нужно быть очень сильным практикующим магом. Марк думал, что знает всех на планете, кто обладает способностями такого масштаба. Однако худое исцарапанное лицо на подушке было ему незнакомо.

— Ну, кто же ты, лапочка? — вслух поинтересовалась Глэдис. Пухлые веснушчатые руки сомкнулись на свободной руке девушки в замок — мягко и нежно. Старуха засопела от сосредоточенности.

— Она откуда-то издалека, — проговорила она. — Плохо, плохо... Та машина, что наехала на нее, сильно ее, бедняжечку, помяла, весь тот бок, а они, дураки, обезболивающих пожалели. Ну вот... ну вот, тетушка Глэдис поставила вокруг тебя кое-какие блоки, солнышко, и теперь можешь пустить все силы на то, чтобы поправляться. — Она повернула голову и через плечо шепнула Марку: — Что скажешь о цвете лица?

Марк задумался. Исцарапанное, ободранное личико было синюшное, как всегда при тяжелом шоке. Осторожно, стараясь не задеть ссадины, он положил ладонь на худую щеку лежавшей без сознания девушки. От прикосновения из-под руки толчками повалило

что-то едкое, серо-голубое, тошнотворное и до того мощное, что у Марка в животе стало нехорошо. Он убрал руку.

— Ее отравили. Не знаю, что за яд.

— Я тоже, — отозвалась Глэдис. — Час от часу не легче. А врачи, дураки, даже не заметили. Дай руку, посмотрим, что тут можно сделать.

И с этими словами она схватила его за руку. Некоторое время они вдвоем молча сосредоточенно вытягивали тошнотворные серо-голубые волны и сваливали их во все отстойники, готовые их принять, потом снова вытягивали и сбрасывали отраву, тянули и сбрасывали, пока отстойники не переполнились.

— Не знаю, что это, но доза огромная, — сказал Марк, — и большинство обычных отстойников его отторгает.

— Они сделали что могли, как и мы, — обиделась Глэдис. — Давай посмотрим, помогло ли. — Она ласково похлопала девушку по тощей руке. — Очнись, солнышко. Тетушка Глэдис пришла. Глэдис тебе поможет. Очнись, лапочка, расскажи Глэдис, что тебе нужно, она все-все сделает.

Глаза у девушки все это время были полуоткрыты. А теперь мало-помалу наполнились смыслом. Ослабевший, но натренированный разум ощупал сначала Глэдис, потом Марка.

— Мы тебя не обидим, зайчик, — сказала Глэдис.

Было ясно, что девушка это понимает. Губы что-то проговорили. Кажется, «Я его не покину». Но Марк, машинально вышедший на другой уровень бытия, перевел там эти слова и переглянулся с Глэдис. На самом деле девушка говорила «Да хранит вас Богиня».

— И вас она да хранит, — сказал он. — Откуда вы?

Губы девушки снова что-то произнесли. Глэдис одной рукой нежно держала девушку за запястье, а другой сжимала руку Марка и теперь волей-неволей потянула его за собой, и они вышли на более далекий уровень реальности — только там звуки обрели смысл. Там девушка манифестировалась в виде язычка пламени, который мерцал и потрескивал, но при этом был свеж и сладок.

— Владычицы Литы, — промерцало пламя. — Я забылась и выдала себя, и моя госпожа Марсения все узнала — узнала, любовь моя, любовь моя... все делалось не ради Братства — зло это было, зло, — и я хотела сбежать и предостеречь тебя, любовь моя... но она,

наверное, отравила меня... И кругом западни... сама не знаю, как попалась... И любовь моя не подозревает ни о чем... мне надо предостеречь...

— А где они были, эти гадкие западни, солнышко? — спросила Глэдис. — Скажи Глэдис, и она их в клочки разнесет.

— Во всех ободьях Колеса, — промерцало пламя. — И между ними.

— Но откуда же? — ласково напирала Глэдис. — Откуда ты, солнышко?

— Мы соседи, — прошептало пламя. Это было уже тихое-тихое «уффф». — Из соседней вселенной... Братство изучает вашу... но это зло... — Потрескивающий язычок огня отчаянно заметался. — Мне надо предостеречь его...

И угасло. Глаза были все так же приоткрыты, но, похоже, ничего не видели. Зеленые зигзаги, которые выписывал огонек на экране, превратились в прямую зеленую линию.

— Пошли-ка отсюда, — отрывисто сказала Глэдис. — Сейчас к ней все сбегутся.

Мимо них в ту сторону как раз пробежала медсестра. Марк и Глэдис очень старались, чтобы их никто не заметил — ни она, ни все остальные встречные, — пока не очутились на парковке, где таксист терпеливо читал газету, разостланную поверх руля.

— Домой? — спросил он Глэдис. — Быстро вы!

— Люди разные бывают, — отозвалась Глэдис. — Волшебных палочек на всех не напасешься.

Таксист засмеялся.

На обратном пути Марк уснул, и ему снились мерзко сочащиеся микстуры и кромсающие ланцеты. Проснулся он, только когда Глэдис выгрузилась из такси возле своей ветхой калитки.

— Ну, как тебе? — пропыхтела старуха чуть ли не победоносно, когда они шли по размытой тропинке. — Я только в одном промахнулась — не сообразила, что вы с этой бедняжкой в одном окопе!

Марк кивнул. Жизнь раз за разом доказывала ему, что в волшебстве совпадений не бывает, и все же теперь он, невзирая на усталость, чуть не трясся от волнения, не в силах поверить очередному доказательству.

— Видишь? Я был прав.

— Я как только до нее дотронулась, сразу поняла, что она не из этого мира. Ты ведь тоже почувствовал, что она другая? И дело не только в незнакомой отраве.

Марк снова кивнул. Так было проще, чем признаваться, что когда он сам прикоснулся к девушке, это ему ничего не сказало, кроме того, что ее отравили.

Отпирая зеленую дверь, Глэдис бросила на него взгляд через плечо:

— Ляг поспи, пока я посмотрю, что к чему. Как бишь мне сказать Поли, где ты?

— В Бирмингеме, — ответил Марк. — Совещание затянулось. Но надо, чтобы она могла там со мной связаться. Я дал ей телефон. Лучше...

— Уж как-нибудь соображу, — отрезала Глэдис. — Еще не настал тот день, когда я не смогу запутать телефонные линии. Она поговорит с портье, который пообещает ей, что передаст тебе записку. Иди наверх. Тебе постелено в комнате справа.

Марк с облегчением побрел наверх по узкой скрипучей лестнице — он смутно помнил, что у него есть еще одна забота, но от усталости едва соображал, какая именно. Изменники, подумал он. Шпионы и западни. Да, вот оно что. Но он же предупредил Глэдис. Ей уж точно можно доверять, она все уладит. Он нашел комнату. Снял пиджак и туфли и рухнул на кровать, которая оказалась такая же узкая и скрипучая, как лестница. Заснул.

Заснул — и сны о препаратах и скальпелях вернулись к нему. Но потом на задворках этих снов запорхало что-то другое, словно птицы украдкой перелетали с ветки на ветку в густой листве. За нагромождениями больничного оборудования то и дело мелькала пятиугольная синяя крепость и причудливые башни, а иногда холмистая местность, неуловимо напоминавшая Средиземноморье. Наконец — будто листья один за другим облетели с дерева, оставив птиц на виду, — больничные картины рассыпались, а за ними все оказалось темно-золотисто-коричневое. Марк очутился где-то очень высоко, и там все было этого диковинного цвета. И он вместе еще с несколькими людьми проводил, похоже, инспекцию границ и оборонительных сооружений на этих границах. И с облегчением обнаружил, что оборона Британии несокрушима, будто янтарная стена. Все укрепления были целы — и все же у Марка возникло ощущение,

что из-под них что-то сочится. Но когда он попробовал сосредоточиться на укреплениях Европы и далекой желтой, как камедь, Америки за спиной, то обнаружил, что инспекторы двинулись дальше — наружу и вверх, туда, куда никто до этого и не собирался. Похоже, что-то их возмутило до глубины души. Марк последовал за ними во сне, ничего не понимая, и вместе они дошли до границ вселенной.

То, как эти границы выглядели во сне, не поддается описанию, поскольку границ было много и все они гнулись, извивались и отчасти переплетались, будто толстые медовые радуги. Судя по всему, некоторые границы непостижимым образом занимали то же самое место, что и другие. У сна не оставалось выхода — пришлось упрощаться. Сначала стало похоже на ведро воды, в котором размешивают густую золотисто-коричневую краску. Но поскольку никто из наблюдателей и в этом не увидел никакого смысла, сон упростился еще сильнее, и они побрели по краям полей и одновременно берегам морей, которые расстилались во все стороны, и вверх, и вниз, и наискосок, и стоямя, и громоздились грудками — и получалось небо, и точно так же громоздились грудками и получались прозрачные янтарные пучины внизу. Марк во сне только диву давался. Он и не знал, что границ так много.

Обычно поля кончались просто как берег, но иногда были огорожены низкими стенами с калитками, а иногда — живыми изгородями или цепочками деревьев. Однако инспекторы шли по собственному берегу, пока не дошли до места, где пейзаж переменился: там были укрепления. Во сне это выражалось клубками колючей проволоки по всему периметру янтарного поля. Хотя проволока была темная и явно искусственного происхождения, в иные моменты она принимала обличье живой изгороди из гигантской ежевики. В полосу песка через равные промежутки были воткнуты знаки «Осторожно: мины!». Даже во сне Марк понимал, что это просто упрощенная до нелепости схема неведомой угрозы, которую он иначе вообще не смог бы себе представить. Они с прочими инспекторами мрачно осмотрели укрепления. Проникнуть на это поле было невозможно. Потом на глаза Марку попала большая труба, которая уходила под колючую проволоку с того поля, где он стоял. И он различил, как вдалеке, за заминированным песком, труба изрыгает